

НА ТЕАТРАЛЬНОМ ФРОНТЕ

(Письмо из Лондона)

В Лондоне имеется 40—50 театров, и, попади сюда какой-нибудь заядлый театрал, желающий ознакомиться со здешней театральной жизнью, он, пожалуй, на первых порах испугался бы их изобилия. Испугался бы он напрасно, потому что, как это ни прискорбно, для того, чтобы составить представление о современном английском театре, вполне достаточно посмотреть 2—3 пьесы.

В Англии вообще нет театра в том смысле слова, в каком его понимают в Советском Союзе, когда с известным театром связано представление о его направлении, о его репертуаре, о его режиссерах, о манере игры его артистов. Название театра в Лондоне — это только название здания, потому что в один сезон в нем могут ставить пьесы разных трупп, при чем актерский состав этих трупп и их режиссеров тоже непостоянен и текуч. В Лондоне ходят смотреть не постановку театра, а пьесу и игру отдельных артистов. Все остальное — манера постановки, декорации, мизансцена — относятся всюду и везде. Чтобы в коротких словах дать представление об этой стороне дела, скажем, что лучшие здешние постановки приближаются к уровню домашнего театра Европы, а средние — соответствуют примерно (опять-таки домашним) постановкам губернских театров где-нибудь в Тамбове или Самаре.

Тут немало хороших авторов, но как им развернуть свой талант, если все в здешнем театре связано рутинной. И английские актеры (Лавтон, Десли Ховард, Диана Вильярд и многие другие) все больше отходят от театра и уходят в кино, где обеспечена большая популярность и где выше заработок. Тут, вероятно, есть неплохие режиссеры, но что можно сделать в 2—3 недели (это нормальный срок для подготовки пьесы) с разношерстной, несработавшейся труппой? Тут, наверное, нашлись бы хорошие декораторы, но кому нужны их услуги, если еще служат старые полнокоронные стены с традиционными тремя выходами, которые экономный антрепренер согласится заменить новыми, лишь когда они окончательно развалятся.

Театр в Англии — чисто коммерческое, частное дело, при чем дело без всякого налета менсенаства или «шлейности». Государственных театров здесь нет совсем.

В Англии нет оперы и балета. Это — слишком дорогое удовольствие для частного антрепренера, и хотя в газетах и появляются изредка указания на то, что как-то неудобно все-таки, что такой город, как Лондон, вынужден обходиться услугами заезжих трупп из других стран, и что правительство могло бы позволить себе роскошь предоставить финансовую поддержку подобному предприятию и организовать хоть один государственный театр, — однако все остается по-старому.

Вообще по отношению к театру, как это ни неправдоподобно звучит в наше время, здесь до сих пор чувствуется влияние старых пуританских традиций, по которым театр рассматривался как «греховное», «нехристианское» дело. Все театры например закрыты по воскресеньям. Кино, пришедшее позже, отвоевало у церкви больше прав, — вечером, после окончания воскресной церковной службы, кинотеатры открыты (правда, не всюду, так как вопрос этот решается в муниципалитетах и зависит от степени религиозности их состава). Театр же так и остался под запретом, хотя трудно понять, почему кино более угодно богу.

Относительно репертуара лондонских театров в текущем сезоне многого не скажешь. Идут музыкальные комедии и просто комедии, изредка идут пьесы старых авторов — Шекспира, Бен Джонсона и других, идут и новые пьесы, по большей части любовные и семейные

драмы. Во многих, покопавшись, можно найти некое социальное зерно, отражение тех или иных процессов современной английской жизни. Однако, отражение это так слабо и неярко, что вряд ли стоит заниматься этим, тем более что и сами по себе пьесы не поднимаются выше среднего уровня.

Остановимся лучше на пьесе, которая по своей теме представляет исключительное явление на здешнем театральном фоне. Это пьеса молодого автора Вальтера Гринвуда под названием «Love on the dole» (dole — пособие по безработице), которая вот уже около 4 месяцев идет в Гаррикс-театре. Это пьеса о безработице, действующие лица — безработные, место действия — фабричный городок в Ланкашире, где три четверти жителей без работы. Семья безработного в вечной нужде, в вечной работе о том, как свести концы с концами. Отец не работает уже несколько лет, он всегда сердит, сам не зная на кого и почему: сын, юноша лет шестнадцати, зарабатывает кое-что, но ему, как подростку, платят так мало, что семья вот уже второй год не может выкроить нужной суммы для покупки ему нового костюма; дочь Салли мечтает о том, как, выйдя замуж за любимого человека, она уйдет из Ханки-Марка, законченного рабочего района, где жизнь безработных и полна горя.

Но любовь, брак, семья, дети — недоступная роскошь для тех, кто «живет на пособие»: любящая пара не может пожениться, потому что жених Салли — Ларри — тоже останется без работы. Кончается пьеса тем, что Ларри убит в стычке с полицией во время бурной рабочей демонстрации, которую он, будучи безработным, старался умиротворить и удержать в рамках законности, а Салли идет на содержание к богатому букекеру (содержатель тотализатора на скачках, собачьих бегах и пр.), потому что только таким путем она может вырваться из непавистного Ханки-Марка и помочь своей семье.

Пьеса ставит вопрос о безработице «по-леборнестски», не глубоко и не остро; по существу, цель ее — вызвать «жалость» к безработным, не больше. Она не дает перспектив и не указывает выхода, если не считать «выхода» упомянутый выше уход Салли к букекеру, которым в пьесе разрешены все семейные проблемы: устроен на работу отец, мать и брат снабжены деньгами и т. д. Достоинство пьесы в том, что в ней все же так или иначе показана жизнь семьи безработного (в английском театре явление редкое), правдиво переданы ее детали, живо даны типы рабочих.

Интересно, что в пьесе, — явно, помимо сознательной воли автора, — в характере и образе действия отдельных действующих лиц нашли свое выражение некоторые черты, присущие различным группам и слоям английского рабочего класса. Старик-отец, рядовой рабочий, мало интересуется политикой и вообще «политиками», но без колебаний идет вместе с товарищами на улицу бороться за свои права и попадает за это в тюрьму. Именно так поступали десятки тысяч безработных и рабочих Южного Уэльса, Шеффилда и других мест, оказавшие такой решительный отпор попыткам правительства провести в марте закон о снижении пособия безработным.

Леборнест Ларри, герой пьесы, которого автор безуспешно старался наделять всеми достоинствами, пошел лишь на митинг только для того, чтобы уговаривать рабочих не выступать, разойтись, отказаться от борьбы, — действует в пьесе точь-в-точь так, как со всем недавно действовали в реальной жизни его собратья по партии, приложившие все усилия, чтобы ослабить свести на-нет мощную волну массового протеста рабочих, заставившую правительство отступить в вопросе о пособиях.

Н. ПАТНЕЙ.